

Бурнашева А. А.

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ В ПРИНЦИПАХ УНИДРУА: ОСОБЕННОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

*Бурнашева Анастасия Андреевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
nastyia.burnasheva.18@bk.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Царёва Л. В.

Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 г. (далее – Принципы УНИДРУА) являются широко признанной на международном уровне частноправовой унификацией. Как следует из Преамбулы Принципов УНИДРУА, целью данного документа является установление общих норм для международных коммерческих договоров.

Принципы УНИДРУА базируются на такой основополагающей идее, как добросовестность, которая прямо установлена как обязанность сторон действовать «в соответствии с добросовестностью и честной деловой практикой в международной торговле» (п. 1 ст. 1.7 Принципов УНИДРУА).

Кроме того, ст. 1.7, которая хотя и адресована сторонам, может также рассматриваться как выражение основополагающей цели Принципов УНИДРУА, а именно содействовать соблюдению добросовестности и честной деловой практики в договорных отношениях.

В Комментарий к указанной статье отмечается, что даже при отсутствии в Принципах УНИДРУА специальных норм поведение сторон на протяжении всего существования договора, включая также процесс проведения переговоров, должно соответствовать добросовестности и честной деловой практике. Значимость и фундаментальность данной обязанности подкрепляется и п. 2 ст. 1.7 Принципов УНИДРУА, согласно которому стороны не могут исключить или ограничить эту обязанность.

Обязанность действовать добросовестно получила конкретизацию во многих положениях Принципов УНИДРУА: на стадии заключения договора (подп. b п. 2 ст. 2.1.4, ст. 2.1.15, 2.1.16, 2.1.18, 2.1.20), в институте представительства (п. 2 ст. 2.2.4, п. 2 ст. 2.2.5, ст. 2.2.7, 2.2.10), при оспаривании договора (ст. 3.2.2, 3.2.5, 3.2.7), при толковании договора (п. 2 ст. 4.1, п. 2 ст. 4.2, ст. 4.6, 4.8), на стадии исполнения договора (ст. 5.1.2, 5.1.3, 6.1.3, 6.1.5, п. 2 ст. 6.1.16, п. 1 ст. 6.1.17, п. 3, 4 ст. 6.2.3, ст. 7.1.2, 7.1.6, 7.1.7), а также при привлечении к ответственности за неисполнение обязательств (ст. 7.4.8, 7.4.13).

Интересно, что общая норма ст. 1.7, предусматривающая обязанность сторон действовать добросовестно и в соответствии с честной деловой практикой, является одной из наиболее применимых норм в судебной и арбитражной практике (на данный момент в базе данных UNILEX

насчитывается 69 опубликованных дел). При этом суд применяет данную норму как в сочетании со специальной нормой, так и в качестве самостоятельной нормы при отсутствии специальной, а также для подтверждения решения, принятого в соответствии с применимым внутренним правом.

Так, арбитражные суды при обосновании принятых решений ссылаются на ст. 1.7 в сочетании со ст. 4.6 (Правило «*contra proferentem*») и ст. 2.1.16 (обязанность конфиденциальности) (Arbitration Court of the Lausanne Chamber of Commerce and Industry, 17.05.2002), ст. 5.1.3 (сотрудничество между сторонами) (ICC International Court of Arbitration, ICC-FA-2020-005, 2013), ст. 3.2.7 (существенное неравновесие) (ICC International Court of Arbitration, 18728).

В качестве самостоятельной нормы добросовестность рассматривалась в Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС), где состав арбитража пришел к выводу, что обязанность ответчика предупреждать истца о недостатках товара, «которые препятствуют или влияют на безопасную и нормальную эксплуатацию Установки», и возможных расходах на их устранение вытекает из принципа добросовестности, закрепленного в ст. 1.7 Принципов УНИДУРА (Решение от 6 августа 2015 г., дело № 244/2014).

В свою очередь, международный арбитражный суд ИСС применил добросовестность для подтверждения решения, принятого в соответствии с применимым внутренним правом. В суде рассматривалось дело, где стороны заключили предварительное соглашение, согласно которому обязались добросовестно вести переговоры. Однако истец после ряда переговоров расторг данное соглашение. Арбитражный суд сослался на ст. 1.1, 1.3, 1.7 и 2.1.15 Принципов УНИДРУА, в целях подтверждения решения, к которому он пришел в соответствии с законодательством штата Нью-Йорк о принудительном исполнении предварительного соглашения сторон о добросовестном ведении переговоров (ICC International Court of Arbitration, Paris, 8540, 04.09.1996).

Для белорусского законодательства и правоприменительной практики международный опыт закрепления и применения добросовестности представляет несомненный интерес. В действующей редакции Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) добросовестность определена как принцип, который закреплен в качестве одного из основных начал гражданского законодательства (абз. 8 ч. 2 ст. 2 ГК). При этом содержание данной категории раскрывается не через обязанность сторон действовать в соответствии с добросовестностью, а через презумпцию. Такое закрепление добросовестности создает правовую неопределенность и, как следствие, не способствует формированию единой судебной практики.

Как отмечает В. И. Емельянов закрепление добросовестности как принципа и как презумпции нельзя толковать как возложение обязанности осуществлять любые действия добросовестно.

Из положений проекта Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов» следует, что законодатель развивает принцип добросовестности путем более широкого нормативного закрепления в отдельных институтах (п. 4 ст. 167, ч. 2 п. 1 ст. 180, п. 2 ст. 401-1, п. 3 ст. 402, ст. 404-1, п. 2 ст. 420-1 ГК).

Вместе с тем в рамках исполнения договорных обязательств добросовестность все еще не получает закрепления в качестве прямой обязанности сторон.

Как отмечает С. В. Сарбаш отсутствие принципа добросовестной при исполнении обязательств не позволяет правоприменителю при рассмотрении споров дать адекватную оценку действиям в случаях недобросовестного поведения сторон при исполнении обязательств.

Представляется, что законодателью Республики Беларусь целесообразно было бы учесть воспринятый на международном уровне опыт закрепления и применения добросовестности в качестве прямо установленной обязанности сторон.

Бутакова Я. С.

РОССИЙСКИЕ КОНТРСАНКЦИИ КАК ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

*Бутакова Яна Сергеевна, аспирант Аспирантской школы по праву
Национального исследовательского университета «Высшая школа
экономики», г. Москва, Россия, yanabutakova@yandex.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Фонова О. В.

Термин «контрсанкции» прочно связан с термином «санкции». Контрсанкции – это мера, принимаемая одним государством против другого в ответ на применяемые по отношению к нему односторонние социально-экономические санкции. Любое государство обладает юрисдикцией применять санкции в пределах своей территории, а также налагать запреты на своих физических и юридических лиц для защиты публичных интересов. Российские контрсанкции действуют в пределах территории принявшего их государства и имеют сугубо территориальный характер, а нарушение контрсанкционного регулирования является основанием для привлечения к ответственности в рамках национального законодательства. Если же международные экономические санкции носят больше публичный характер, российские «контрсанкции» как реакция на них носят в большей степени – частноправовой характер.

Относя российские контрсанкции к институту частного права, их можно отождествить со сверхимперативными нормами (ст. 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)) или реторсиями (ст. 1194 ГК РФ).

Можно выделить следующие признаки сверхимперативных норм характеризующих и контрсанкции: